

НАДО НАПИСАТЬ!

Наверное, я никогда не отвыкну (и на пенсии, и даже на том свете) от привычки реагировать на любую интересную информацию, услышанную ли в автобусе, рассказанную ли соседкой, выхваченную ли из потока очередной нудной речи чиновника, — надо написать!

*Светлана
Февралёва,
заместитель
редактора
областной
газеты
«Пензенская
правда»*

Тут, как говорил герой одного моего очерка, потомственный врач, в семье которого старшие завели традицию в определённые дни ездить на малую родину в де-

ревню: «Спротивление бесполезно, даже если я буду при смерти, меня погрузят и повезут».

Вот я заболела, мне плохо. Но смотрю: а где, а что, а кто?

Лежу в больничке с ковидом, нет сил отвечать на звонки. Но Леночка Жиркина, коллега из газеты «Наша Пенза», вновь и вновь набирает мой номер. Отвечаю. Она: «Я поняла, что у тебя цитокиновый

шторм, надо перебраться в КИМ (так в народе называют Центр специализированных видов медицинской помощи, носивший в советское время имя Коммунистического интернационала молодёжи. — Авт.), я там лежала, там лечат по-другому». — «Лена, мне с боку на бок трудно повернуться. Отстань...» Опять звонит: «Мы договорились, твой редактор Паша Шишкин помог, тебя переведут». Лена, такая нежная, тихая, вроде даже робкая... И откуда эти сила, упорство во спасение других? Общими усилиями коллег меня всё-таки перевели в КИМ, а иначе ничего бы не было, связанного с этой публикацией.

В КИМе сразу полегчало. Лежу в палате со всеми удобствами. Наутро приходит заведующая отделением Анна Васильевна Степкина. Честно скажу, о чём говорили, не помню. Но образ чего-то светлого, яркого, нестандартного отложился в моём затуманенном болезнью сознании. Разве бывают такие врачи? Которые, как ангелы, склоняются над тобой и приносят облегчение?

О, я много писала о врачах. И о чудесном добром детском докторе Борисе Петровиче Воеводине, который виртуозно и безболезненно проводил эндоскопические исследования и расписывал, как это красиво, какие ткани упругие, розовые. И повёл меня на процедуру, и дал поглядеть.

Меня чуть не вырвало, но я написала, что да, красиво: он же так видел! А ещё: под его руками все сросталось и быстро заживало. Однажды он пришел могильщику палец, отрубленный упавшей оградой.

И эти парни пришли к нему и сказали: «Петрович, когда умрёшь, похороним тебя на лучшем месте!» И о женском докторе Розе Васильевне Штах, которая после операции несла свою пациентку на руках

до палаты, потому что рядом не оказалось санитаров. И которая заплакала, когда одна пациентка после долгих уговоров всё-таки решилась на аборт. А та, увидев её слезы, вдруг поняла, что это не у врача горе, а у нее и раздумала убивать ребёнка. И о... О многих. Но я не была их пациенткой!

Одним утром в КИМе мне было совсем плохо — началась паническая атака. Дело в том, что отделение располагается на седьмом этаже, а я не езжу на лифтах, потому что у меня страх закрытых помещений. Все же исследования типа КТ — на первом этаже.

Пришла Анна Васильевна, и я поделилась с ней.

— Вы не волнуйтесь: если понадобится, мы вас поведём по лестнице, — сказала она. — Звоните мне, если что.

— Да как я буду вам звонить по такой мелочи, — говорю в отчаянии.

— Мелочей нет, — твёрдо отвечает она.

И смотрит на меня такими чистыми глазами, что я верю и в припадке благодарности говорю:

— А давайте, пока я тут лежу, напишу о ком-нибудь из ваших сотрудников.

После обеда открывается дверь, входит Анна Васильевна, а за ней гуськом три человека. Она довольная такая: вот, говорит, вам герои.

Я сползаю с кровати, начинаю знакомиться. Устанавливаю очерёдность.

Вечером ко мне приходит Арсений Тиртиглов, санитар. Измученная болезнью и панической атакой, я сажусь с ним за стол (бумага и ручка у меня были с собой), начинаем беседовать. О чём-то спрашиваю, дрожащей рукой стараюсь записывать подробно — в страхе, что забуду.

«23 года. Родился в Санкт-Петербурге, жил там до 12 лет. Занимался плаванием (четыре золота, серебро). Музыкальная школа, баян вместо гитары. Снимался на Ленфильме в массовке, фильм "Кочегар". Страшно матерился. Съёмки в Кронштадте, в снежки играли. Реклама "Газпрома", Аршавин, стадион, четыре часа ожидания, шесть минут играли. Стоял на воротах, чуть не ухандошили. Хотел быть переводчиком — английский, китайский. В Пензу переехали с мамой по семейным обстоятельствам. Понял: тут увлекаться нечем. Шахматы, армейский рукопашный бой, сейчас качалки. Все спать легли, я с резиной занимаюсь, отжимаюсь».

В Пензе Арсений стал книгочеем и «ударился» в философию.

— Руководствуюсь константами — это объективный способ мышления, а не субъективный, — говорил он, а мне хотелось удавиться, чтобы больше не мучиться.

Потом парень поведал, что у него выросли три зуба в доказательство того, что он на правильном пути. У меня хватило сил спросить:

— В твоём возрасте выросли зубы?

— Мудрости, — свысока ответил Арсений.

Потом он ещё несколько раз заходил ко мне, перебирал книги. Я брала с собой электронную, но почему-то захотелось настоящую, живую, чтоб листать, посплюнявив палец. Написала в редакционную группу. И Толя Володин привёз мне 13 штук... Дежурная, принимая их, поинтересовалась: «Ваша больная собирается у нас жить?»

Забегая вперед скажу, что когда я стала писать материал об Арсении, вспомнила много чего незаписанного.

Вообще это удивительно — приоритет памяти, я так называю. Бывает, не могу вспомнить слово «морковь». А разблюдовку газетных полос всегда помню: какой материал на какой полосе, в каком уголке какая информация.

Однажды проводила большой круглый стол, а диктофон не сработал, так всё вспомнила и написала. А как называется овощ пирамидальной формы оранжевого цвета — увы...

Материал об Арсении назвала «Философия и памперсы, или Три зуба мудрости Арсения Тиртиглова». Основной мыслью сделала то, что 23-летний парень не боится чёрной работы.

Он написал мне в ватсапе: «Текст понравился, а заголовок — нет». А Анне Васильевне признался, что родные над ним посмеялись: мол, ты для того учишься (он студент-заочник ПГУ), чтобы говно за другими убирать? Меня это мучит. Я-то его выставляла героем, а что получилось?..

Но вернёмся в КИМ, где я ещё лежу. Лежу и думаю с лёгкой обидой: «Чего же это Анна Васильевна меня так нагрузила: трёх героев мне припёрла: она же видит, как я себя чувствую?» Этот вопрос повис в воздухе и остался без ответа до времени. В общем, беседовала и со старшей медсестрой Еленой Викто-

ровой Самохваловой, которая забрала моё сердце фразой: «Я так радовалась путинским доплатам — смогла книжки детям покупать». А детей у неё трое. Каюсь, про неё я ещё не написала, но обязательно напишу!

Анна Васильевна всё это время забегала, интересовалась и была прямо довольная такая...

А я мучилась со своими болячками, но всё-таки добрела до выписки (кстати, так и не встретившись с третьей потенциальной героиней).

Анна Васильевна пришла проводить меня вместе с Арсением, подхватившим сумку. Провели по территории, открыли магнитной карточкой калитку...

Я оглянулась, а доктор смотрела мне вслед ПРИЧАСТНО, будто благословляла. Тогда и подумалось: а почему же о ней-то я не собрала материал? Но шанс был. Она рассказывала, что осваивает ги-

рудотерапию и ищет добровольцев. Через несколько дней, немного оклемавшись, я позвонила и сказала: — Хочу быть вашим добровольцем.

На самом деле хотела пообщаться с этим очаровательным человеком и понять её загадочную эмоциональную неувыдаемость. То есть главная тема очерка определилась уже.

Пиявки, скажу я вам, дело кровавое. Мы залепляли ранки прокладками, обматывали пластырем и скотчем, дело дошло даже до пищевой плёнки. Когда Анна Васильевна выбрала точки на ногах, я приехала домой в туфлях, полных крови.

Но зато, пока эти гады сосали мою кровь, мы с ней говорили и говорили. И я узнала о её чистом деревенском детстве; об играх в войну, где она исполняла роль санитарки; о дядюшке-ветеринаре, любившем повторять фразу: «Врач лечит человека, а ветеринар спасает человечество»; о синдроме холодных ладоней, который случился у неё после одной подлости...

Признаюсь, я провоцировала Анну Васильевну на то, чтобы она писала мне в ватсапе обо всём, в том числе о работе, конечно. И вот тут-то поняла, почему она так обрадовалась, когда я выразила желание собрать материал о сотрудниках её отделения: чем меньше больной погружается в болезнь, тем лучше. Врач не всеслепен, и только когда человек сам помогает ему, не теряет оптимизма и борется, наступает выздоровление.

Какие-то кусочки её сообщений я включила в очерк. И не постеснялась использовать слова своей героини в качестве коды — она сама объясняет своё эмоциональное невыгорание: «Просто я птица Феникс. Таких нет в природе, а в жизни они есть».

Уже после публикации очерка «Не уходите. Я держу вас!», так высоко вдруг оценённого моими коллегами, Анна Васильевна поехала в санкт-Петербургский вуз на кафедру гирудотерапии, где

Моя героиня Анна Васильевна Степкина, заведующая отделением № 5 Центра специализированных видов медицинской помощи на работе и дома — с портретом, который мы с Леной заказали пензенской художнице Наталье Сюевой и подарили доктору в День медицинского работника.

получила лицензию и где признали, что она сделала открытие в плане использования гирудотерапии для лечения ковида (ну как не гордиться тем, что я была одним из её добровольцев!).

И, кстати, доктор навязала мне этих пиявок, которые пили мою кровь, убеждая:

— Я вам их еще раз поставлю через полгода, будет очень большая польза!

— Но я же отпуск собираюсь проводить на даче.

— Возьмете с собой.

Так я и поехала с трёхлитровой банкой, в которой ползали эти гады. Хорошо хоть их кормить не надо, только воду менять раз в сутки.

Анна Васильевна ещё и звонила:

— Как у вас пиявки?

— Стоят под сливой в травке, в холодке.

— Ой, как вы их хорошо содержите! Меня бы кто так содержал.

Срок повторного курса гирудотерапии подходит.

Уж я потерплю, чтобы всё выведать у Анны Васильевны про её открытие и лечение ковида пиявками,

— надо же написать!

&

Можем ли мы изменить жизнь человека против его воли?

«Напишите про моего соседа, брата, свата» — с таких звонков у нас начинались многие интересные материалы. Вот и в прошлом году, в декабре, в редакцию позвонила женщина, библиотекарь из маленького посёлка Октябрьский.

Живёт, говорит, у нас хороший парень — Денис. Рисует красиво — самородок. Вот только негде ему свои таланты показать. Чахнет парень. Может, хоть напишет газета и закажет кто-нибудь у него картину? Парень славный, добрый. Кстати, без рук

Как так — без рук? Оказалось, парнишке не повезло с самого рождения — его брат-близнец родился крепким, здоровым карапузом, а Дениске здоровья не хватило, у мальчишки оказались недоразвиты ручки и нога. Родители возиться с инвалидом не захотели, сдали в приют.

Всё своё детство и юность Дениска провёл в Кусинском областном реабилитационном центре. После окончания должен был уехать в родную Бурятию, но решил остаться в Кусе. Работу так и не нашёл. И в 30 лет оказался в крошечном умирающем посёлке. С единственным своим ярким талантом — к рисованию.

Отправились мы в гости к Денису. Длинная дорога, по обе стороны которой заснеженный лес, серое небо без проблеска. И посёлок Октябрьский, состоящий из деревянных домов-развалюшек. В одном из таких домишек обитал и наш герой. Рассказывал он о себе просто, охотно, с юмором.

Меня больше всего поразили контраст между его простым, непривлекательным бытом и его рисунками.